

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2023. № 495. Октябрь

- | | |
|-------------------------------|--------------------------------------|
| • ФИЛОЛОГИЯ | • PHILOLOGY |
| • ФИЛОСОФИЯ | • PHILOSOPHY |
| • СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ | • SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE |
| • ИСТОРИЯ | • HISTORY |
| • ПЕДАГОГИКА | • PEDAGOGICS |
| • ПРАВО | • LAW |

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 495. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
 В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
 Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
 В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
 филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, д-р биол. наук, доц.;
 С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
 д-р физ.-мат. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
 С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
 наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
 ист. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
 сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р
 геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательства
 Томского государственного университета; Л.М. Прокументов, д-р
 юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
 Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; С.П. Сущенко, д-р техн. наук,
 проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.;
 Г.М. Татянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р
 юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук,
 проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
 пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
 V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
 (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
 Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and
 Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy,
 Professor; D. Vorobyov, Dr. of Biology, Associate Professor;
 S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov,
 Dr. of Physics and Mathematics; A. Gortsev, Dr. of Engineering,
 Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
 Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
 V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
 and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
 Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
 O. Petrin, Head of TSU Press; L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor;
 Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov,
 PhD in Chemistry, Associate Professor; S. Sushchenko, Dr. of
 Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics,
 Associate Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy,
 Associate Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya,
 Dr. of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of History,
 Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor; E. Shragher, Dr. of
 Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
 д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
 д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
 д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
 д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
 канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
 д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
 д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
 д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
 канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
 д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
 д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
 д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilij P. Zinoviev,
 Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
 Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
 Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
 Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
 PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
 Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
 Doctor of Law, Professor
Lev M. Prokumentov,
 Doctor of Law, Professor
Petr P. Romyantsev,
 PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
 Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
 Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
 Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Научная статья
УДК 343.101
doi: 10.17223/15617793/495/21

Приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого как деструктивный пережиток прошлого

Сергей Борисович Россинский¹

¹ *Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия
s.rossinskiy@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается одно из условий правомерности использования мер пресечения в уголовном судопроизводстве, предполагающее возможность их применения к обвиняемым и лишь в исключительных случаях – к подозреваемым. На основании проведенного исследования формулируется вывод, что такое условие – это подлежащий упразднению нормативный анахронизм. Предлагается не расценивать возможность применения меры пресечения к подозреваемому как нечто исключительное, подлежащее использованию лишь при наличии специфических обстоятельств, а использовать его в общем порядке, не принимая во внимание готовность к выдвиганию уголовно-правовой претензии.

Ключевые слова: домашний арест, заключение под стражу, избрание меры пресечения, меры пресечения, обвинение, обвиняемый, подозреваемый, привлечение в качестве обвиняемого

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках выполнения Институтом государства и права РАН государственного задания. Тема НИР № FMUZ-2021-0043 «Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации».

Для цитирования: Россинский С.Б. Приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого как деструктивный пережиток прошлого // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 215–221. doi: 10.17223/15617793/495/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/21

The priority of applying a measure of restraint against the accused as a destructive relic of the past

Sergey B. Rossinskiy¹

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
s.rossinskiy@gmail.com*

Abstract. The article examines one of the general conditions for the legality of the use of measures of restraint in criminal proceedings arguing the possibility of their application to the accused and, only in exceptional cases, to suspects. The author highlights a long-established attitude to this requirement as an immutable legal postulate, dwells on its obviousness for the vast majority of scholars and practitioners, and focuses on the lack of due attention to the concept under consideration in scholarship. At the same time, the author elucidates a serious flaw in the criminal procedural regulation expressed in the inconsistency of this requirement with the grounds for bringing a criminal charge and leading to the vicious practice of making premature and unfounded allegations. The article emphasizes that a criminal charge means an official criminal law claim of one party of the upcoming criminal trial brought against the other party. In this regard, the author argues that hasting and “pilot” accusations that, in fact, are representing typical suspicions, i.e., allegations about the commission of certain crimes by certain persons, are unnatural and unacceptable. At the same time, the author notes that for many years in investigative practice, a two-stage technology has been applied to charge the accused with the commission of a crime, which boils down to the urgent bringing against a person of two charges different in scope, degree of proof and content, namely, a “pilot” charge and a final charge. This technology is given a negative assessment. The author proves that this technology has no legal value. It leads to negative consequences expressed in the need to make unfounded and premature accusations and results in additional encumbrances for investigation. In order to understand the problem under consideration, the author explains historical reasons for the emergence of these contradictions. The author elucidates the phenomenon under consideration as the ill-considered transfer to the Soviet and post-Soviet legislation of a number of provisions of pre-revolutionary criminal procedural law without their proper adjustment to different mechanisms of criminal procedural activity. Based on the study, the author concludes that the legal condition linking the possibility of using the measures of restraint with bringing the criminal law claim against a person in the modern conditions of the development of the doctrine, legislation and law enforcement practice is an obvious normative anachronism to be abolished. The author proposes not to regard the possibility of applying a

measure of restraint to a suspect as something exceptional and applicable only under specific circumstances, but to use it in a general order, without taking into account the readiness to bring a criminal law claim.

Keywords: house arrest, detention, applying measure of restraint, measures of restraint, accusation, accused, suspect, charging with crime

Financial support: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FMUZ-2021-0043.

For citation: Rossinskiy, S.B. (2023) The priority of applying a measure of restraint against the accused as a destructive relic of the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 215–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/21

Как известно, меры уголовно-процессуального пресечения – это особые государственно-принудительные приемы, подлежащие использованию в дознавательской, следственной и судебной практике в качестве инструментов внешнего воздействия на поведение представляющих опасность обвиняемых (подозреваемых), предрасположенных к ненадлежащему, в первую очередь препятствующему продуктивности предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, поведению, например, способных скрыться, продолжать криминальную деятельность, угрожать свидетелям, портить либо уничтожить потенциальные вещественные доказательства, документы и т.д. [1. С. 19–20; 2. С. 84]. Будучи четко предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, они могут применяться лишь по возбужденным уголовным делам, при наличии определенных фактических оснований и посредством реализации соответствующих властных полномочий органов дознания, предварительного следствия, суда, а наиболее строгие, связанные с ограничением конституционных прав личности, – не иначе как путем принятия специальных судебных решений.

В жесткости мер уголовно-процессуального пресечения, в их явном превалировании по степени публичного давления над иными правоограничительными механизмами, в том числе над прочими предусмотренными УПК РФ способами принудительного воздействия на поведение участников судопроизводства, нет ничего странного и непонятного – ввиду как бы предсанкционного предназначения, потребности применения к лицам, подлежащим с высокой долей вероятности уголовной репрессии, такие механизмы обеспечения установленного порядка уголовно-процессуальной деятельности представляются вполне объяснимыми и разумными. Ведь в силу вполне очевидных причин грозящие обвиняемым и даже подозреваемым уголовно-правовые санкции просто не могут не обуславливать намерений некоторых из них уклониться от участия в досудебном или судебном производстве, помешать ведущемуся в отношении них уголовному преследованию, нарушить иные свойственные для процессуального права предписания либо запреты. Причем по сравнению с другими формами юрисдикционной деятельности (с гражданским либо арбитражным процессами, с производством по делам об административных правонарушениях) риски подобных намерений гораздо более высоки, а возможные средства и способы их реализации – гораздо более опасны.

Поэтому режим избрания и продления мер уголовно-процессуального пресечения, в особенности мер пресечения арестантского характера¹, требует обремененности рядом правовых гарантий, способных должным образом защитить людей от вполне возможных правоприменительных ошибок и тем более от злоупотреблений соответствующими государственно-властными полномочиями, еще наблюдаемых в практической деятельности органов предварительного расследования и судов. Особое значение в обеспечении подобной защищенности придается точному и неукоснительному выполнению дознавателями, следователями, руководителями следственных органов, прокурорами и судьями всех соответствующих процедурных требований, в том числе так называемых условий правомерности, позволяющих прибегнуть к потенциалу процессуально-пресекательных мер в целом и выбрать для использования одну из них в частности [3. С. 93; 4. С. 18]. Причем одним из таких условий является вытекающая из системного единства ч. 1 ст. 97 и ч. 1 ст. 100 УПК РФ известная правовая гипотеза, предполагающая возможность применения любой меры пресечения только к обвиняемому, и лишь в исключительных случаях – к подозреваемому.

По всей вероятности, это требование представляется подавляющему большинству ученых-процессуалистов и тем более практических работников настолько очевидным и непреложным, что уже много лет воспринимается как аксиоматическая данность, как не требующий никакого обоснования неопровержимый постулат. По крайней мере, оно никогда не привлекало особого внимания исследователей и обычно освещалось в научных и учебных публикациях посредством банального пересказа, а иногда и дословного переписывания вышеуказанных положений закона, а в более ранних источниках – соответствующих положений УПК РСФСР 1960 г. и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик [5. С. 5; 6. С. 9; 7. С. 536].

С одной стороны, в отсутствии особого интереса к этому вопросу нет ничего необычного – указанное условие вроде бы вполне логично, непротиворечиво, пригодно к использованию и, на первый взгляд, является одной из тех самых требуемых гарантий защищенности от правоприменительных ошибок и судебно-следственного произвола, поскольку в подавляющем большинстве случаев предполагает возможность ограничения прав индивида лишь после его юридического признания обвиняемым, т.е. при

наличии достаточных доказательств, подтверждающих его виновность в совершении некоего преступления. Однако, с другой стороны, при более детальном осмыслении на поверхность всплывает достаточно серьезный изъян правового регулирования института мер уголовно-процессуального пресечения, приводящий к весьма порочной практике выдвижения преждевременных, скоропалительных и, как следствие, должным образом не обоснованных обвинений, т.е. к еще большим негативным последствиям, к еще большему правоприменительному произволу.

Ведь признание человека обвиняемым, т.е. выдвижение в отношении него публичного обвинения, – это не сугубо процедурный акт, тем более не «технический» прием следственной деятельности, предполагающий перевод данного субъекта в новое юридическое состояние, а самого предварительного расследования – в новую фазу развития уголовно-процессуальных правоотношений. В соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинением признается формулируемое следователем (вариативно – дознавателем) и в дальнейшем поддерживаемое прокурором в судебном заседании официальное утверждение о совершении определенным лицом определенного запрещенного уголовным законом деяния, т.е. подлежащая разрешению посредством правосудия уголовно-правовая претензия одной стороны судебного спора к другой, своеобразный «уголовный иск».

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что само предназначение стадии предварительного расследования, состоящее в обеспечении возможности формирования обвинительной позиции (уголовно-правовой претензии) как предмета предстоящего судебного разбирательства, предопределяет кульминационный характер акта привлечения в качестве обвиняемого, превращает его в своего рода уникальную форму реализации следственных полномочий, в определенном смысле уподобляет его обвинительному приговору, тоже содержащему уголовно-правовую оценку содеянного и обуславливающему переход лица из одного юридического состояния в несколько иное: из положения подсудимого – в положение осужденного. Такой акт рассматривался как подводящий итоги всей предшествующей следственной работе, как базовое решение, по сути, выражающее смысл досудебного производства, потребность в существовании этого этапа уголовно-процессуальной деятельности. А его содержание отождествлялось с выводами следователя о реальности события преступления, о виновности подверженного уголовному преследованию человека, о доказанности других необходимых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и обусловленных классической римской формулой судебного познания: «*Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?*» – «Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?» [8. С. 104; 9. С. 62].

Ранее схожие позиции высказывались и многими другими авторами. В частности, абсолютная убежденность следователя в истинности выдвигаемой уго-

ловно-правовой претензии и достаточности имеющихся доказательств для признания человека виновным в судебном заседании (для так называемой судебной перспективности уголовного дела) отмечалась как необходимое условие привлечения в качестве обвиняемого, а игнорирование такого условия признавалось нарушением принципа презумпции невиновности, предполагающего предписание о толковании всех неустранимых сомнений не иначе как в пользу подвергаемого уголовному преследованию лица. Поэтому любые следственные акты о привлечении в качестве обвиняемого, основанные на зыбких, неустойчивых, «натянутых» позициях, т.е. не предопределенные внутренней уверенностью и непоколебимостью авторов в доказанности и неоспоримости соответствующих обстоятельств, совершенно справедливо расценивались либо как преждевременные, либо как просто незаконные [10. С. 120; 11. С. 186; 12. С. 128; 13. С. 78].

В принципе такой же смысл вытекает из ч. 1 ст. 171 УПК РФ, уполномочивающей следователя выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого лишь при наличии достаточных (!) доказательств обвинения в совершении преступления (ранее – из аналогичной по содержанию ст. 143 УПК РСФСР 1960 г.). Подобные суждения неоднократно высказывались и Конституционным Судом РФ. Например, в Определении от 21 декабря 2006 г. № 589-О было четко указано о неприемлемости привлечения в качестве обвиняемого без подтверждения инкриминируемого лицу преступления достаточной совокупностью доказательств. И в этой связи автор настоящей статьи неоднократно настаивал на понимании постановления о привлечении в качестве обвиняемого исключительно как процессуального акта, логически завершающего основную, собственно «расследовательскую» часть предварительного следствия, сводящуюся к установлению входящих в предмет доказывания обстоятельств, подлежащего вынесению только в преддверии предусмотренной гл. 30-31 УПК РФ финальной фазы досудебного производства и с перспективой достаточно скорого направления уголовного дела в суд. Одновременно говорилось о противостественности и неприемлемости скоротечного выдвижения основанных на результатах безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий так называемых первоначальных, «пилотных» обвинений, на самом деле представляющих собой типичные подозрения, сводящиеся не более чем к версиям, предположениям о совершении определенными лицами определенных преступлений [14. С. 124, 127]. Ради справедливости, автором настоящей статьи, конечно, обращалось внимание на некоторую условность подобного суждения, выраженную в его полной приемлемости лишь к «классическим» досудебным производствам. Одновременно говорилось, что по сложным уголовным делам о групповых преступлениях, а также в случаях, предполагающих необходимость изменения либо дополнения обвинительного тезиса ввиду активной позиции обвиняемого, защитника, других невластных участников, за привлечением в качестве обвиняемого вполне могут следовать какие-либо еще процессуально-познавательные действия.

Вместе с тем такие ситуации оценивались и продолжают оцениваться как никоим образом не способные поколебать базовый постулат о недопустимости выдвижения «пилотных» обвинений.

В то же время практическая реализация подобного и, как представляется, единственно возможного подхода к признанию человека обвиняемым и выдвижению в отношении него соответствующей уголовно-правовой претензии невольно упирается в тулик – срабатывает опрометчиво установленный самим же законодателем нормативный капкан, состоящий в явной несогласованности положений, определяющих основания для привлечения в качестве обвиняемого и правовые условия использования механизмов процессуально-пресекающего воздействия. Осознавая целесообразность применения мер пресечения на первоначальном этапе уголовного преследования, располагая должными основаниями, органы предварительного следствия всякий раз оказываются перед непростым выбором: отказаться от использования объективно требуемой меры ввиду явной преждевременности выдвижения в отношении соответствующего лица обвинительного тезиса, т.е. его юридического признания обвиняемым, и принять на себя все возможные риски его неправомерного поведения либо пойти на «делку с совестью» и буквально «на коленке» сформулировать не вполне созревшее, не подтвержденное достаточной совокупностью доказательств, но вынужденное обвинение, после чего избрать меру пресечения и спокойно продолжить расследование уголовного дела. Причем в силу вполне понятных причин обычно выбирается именно второй вариант – так поступать намного проще, безопаснее и, самое главное, разумнее и прагматичнее с точки зрения страхования от потенциальных упреков и взысканий со стороны вышестоящего начальства.

Особо чувствительно это противоречие ощущается в следственных ситуациях, связанных с необходимостью заключения человека под стражу или домашний арест, как процессуально-принудительных механизмов, обычно избираемых после задержаний соответствующих лиц в порядке гл. 12 УПК РФ. Предопределенный Конституцией РФ 48-часовой лимит ограничения свободы без судебного решения еще менее располагает к надлежащему формулированию и предъявлению необходимой для избрания меры пресечения уголовно-правовой претензии. К тому же ввиду объективной потери драгоценного времени, затраченного на доставку задержанного, и 8-часового темпорального резерва, предусмотрительно оставленного законодателем для самого судебного заседания, в фактическом распоряжении следователя остается немногим более суток, а иногда и того меньше. Ни о каком формулировании полноценной уголовно-правовой претензии в подобных условиях думать, конечно, не приходится – успеть бы выполнить минимальный объем самых безотлагательных следственных действий, накидать на «на скорую руку» заветное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявить его в установленном порядке и направить необходимые материалы в суд. И это в случае

задержания одного подозреваемого! А что, если их было двое, трое, четверо и т.д.?

Конечно, для возможности преодоления возникающих трудностей существует специальная норма, уполномочивающая следователя как бы превентивно избирать меру уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь заключение под стражу, в отношении подозреваемого – такой алгоритм прямо установлен ст. 100 УПК РФ, а ранее предусматривался ст. 90 УПК РСФСР 1960 г. Вместе с тем подобное дозволение прямо определено как допускаемое только в исключительных случаях – по смыслу закона использование данного потенциала приемлемо лишь в явно выходящих за пределы «следственной обыденности» ситуациях, например, связанных с объективной невозможностью срочного проведения самых безотлагательных следственных действий, одновременным задержанием сразу нескольких подозреваемых и прочими нестандартными обстоятельствами. Поэтому, как справедливо отмечается в научных публикациях, такое исключение лишь подтверждает общее правило: в тривиальных случаях мера уголовно-процессуального пресечения, в частности арест либо домашний арест, может избираться после выдвижения в отношении лица официального обвинения [7. С. 536–537]. К тому же предусмотренный ст. 100 УПК РФ порядок тоже не предназначен для длительного использования – следователь, прибегая к подобному алгоритму, может рассчитывать только на 10- либо 45-суточную (а фактически – 8- либо 43-суточную) отсрочку, не исключающую обязанности привлечения в качестве обвиняемого.

В этой связи в реальной следственной практике уже много лет используется как бы двухэтапная прикладная технология привлечения в качестве обвиняемого. Она сводится к экстремному выдвижению в отношении подвергаемого уголовному преследованию лица двух различных по объему, степени доказанности и содержанию уголовно-правовых претензий: вначале, как правило, непосредственно перед избранием меры пресечения – того самого предопределенного итогами безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий «пилотного» обвинения, а в дальнейшем, после максимально возможного установления входящих в предмет доказывания обстоятельств – окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции), обусловленного результатами всего предварительного расследования, подтвержденного совокупностью всех собранных, проверенных и должным образом оцененных доказательств и выражающего уверенность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему деяния. Этот практический подход стал уже настолько привычным, что воспринимается подавляющим большинством следственных работников как само собой разумеющийся. А в качестве его нормативного обоснования используются положения ст. 175 УПК РФ, предполагающие возможность частичного изменения либо дополнения ранее выдвинутого обвинительного тезиса. По крайней мере, подобные данные были получены в ходе интервьюирования сотрудников ряда территориальных и линейных подразделений Следственного комитета

РФ и органов внутренних дел. На поставленный вопрос о причинах использования указанной практики 54% опрошенных респондентов ответили, что поступают таким образом по велению руководства; еще 32% поведали, что указанный алгоритм настоятельно рекомендуется прокуратурой; 11% опрошенных сообщили, что двухэтапный характер привлечения в качестве обвиняемого использовался всегда; остальные 3% просто затруднились дать какой-либо определенный ответ.

Имеет ли какую-нибудь практическую ценность требование, обязывающее использовать меры уголовно-процессуального пресечения только в отношении обвиняемых и лишь в исключительных случаях – в отношении подозреваемых? Предполагает ли оно какие-либо дополнительные процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов повергнутых уголовному преследованию лиц?

Положительно ответить на эти вопросы достаточно сложно. Никаких особых резонансов, некогда побудивших законодателя к введению данного требования в систему уголовно-процессуального регулирования, не усматривается. Тогда как фактически предопределенные им негативные последствия налицо – они выражены в необходимости выдвижения вынужденных, но при этом явно необоснованных и преждевременных обвинений, т.е. детерминируют гораздо более существенную несправедливость, превращая обвиняемого (читай, подозреваемого) в заложника непродуманной правотворческой политики и в какой-то степени извращая сам смысл, само предназначение уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, обусловленные этим требованием прикладные технологии сильно обременяют работу и без того перегруженных органов предварительного расследования – вынуждают практических работников проводить дополнительные действия и готовить дополнительные документы, приводят к новым очагам процессуальной бюрократии.

Хотя понять причины появления такого требования не так уж и сложно. Оно явилось очередным следствием не до конца продуманного переноса в советское и постсоветское законодательство целого ряда положений дореволюционного уголовно-процессуального права без их должной адаптации к несколько иным механизмам уголовно-процессуальной деятельности. Ведь предписание о применении процессуально-пресекательных приемов лишь в отношении обвиняемых было присуще национальному уголовному процессу еще со времен действия архаичного «Николаевского» Свода Законов; затем оно плавно перекочевало в Устав уголовного судопроизводства Российской империи, откуда было позаимствовано авторами первого советского УПК РСФСР 1922 г. и т.д. Однако при этом не было учтено, что в дореволюционной парадигме уголовного судопроизводства статус обвиняемого в принципе не подразумевал столь жесткой формализации, какая стала ему присуща в советский и постсоветский периоды развития уголовной юстиции. По смыслу Свода законов и Устава уголовного судопроизводства под обвиняемым понимался некий, не вполне определенный субъект, в отно-

шении которого проводилось следствие для установления его причастности к преступному деянию, поэтому его введение в данное состояние вовсе не связывалось с вынесением соответствующего постановления. Другими словами, такой участник, скорее, уподоблялся современному подозреваемому, тогда как положение самого дореволюционного подозреваемого имело следственной характер – касалось непроцессуального полицейского дознания.

На основании всего изложенного представляется, что правовое условие, увязывающее возможность использования процессуально-пресекательных механизмов с выдвижением в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») в современных условиях развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики, – это подлежащий упразднению явный нормативный анахронизм! Обвинение лица в совершении некоего преступления и применение к нему одной из установленных УПК РФ мер пресечения являются достаточно самостоятельными, имеющими совершенно разную направленность формами реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования. Будучи тесно связанными, они предназначены для решения различных следственных задач: привлечение лица в качестве обвиняемого обуславливается стремлением подвергнуть лицо уголовной ответственности ввиду установления факта причастности к преступному деянию, а меры пресечения – намерением предупредить вероятность его противоправного поведения [1. С. 64].

Думается, что право следователя и дознавателя признать любую из предусмотренных законом мер уголовно-процессуального пресечения к подозреваемому (инициировать подобное решение перед судом) не следует расценивать как нечто исключительное, подлежащее использованию лишь при наличии каких-то специфических обстоятельств – такую возможность надлежит использовать в общем порядке, не принимая во внимание готовность или неготовность к выдвижению уголовно-правовой претензии (обвинения). В конце концов, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, ни в существующих практических рекомендациях не усматривается никаких особых рисков ограничения, тем более нарушения прав подозреваемых ввиду уравнивания их положения с положением обвиняемых в части использования мер уголовно-процессуального пресечения. Ведь современные статусы подозреваемого и обвиняемого (если, конечно, не учитывать не свойственные подозреваемому «судебные» права обвиняемого) настолько схожи друг с другом, предполагают такую высокую степень идентичности, что некоторые прагматично настроенные ученые вообще предлагают исключить процедуру предъявления обвинения из системы уголовно-процессуального регулирования, т.е. фактически окончательно стереть какие бы-то ни было различия между дознанием и предварительным следствием как пока еще автономными формами предварительного расследования [15. С. 10]. К слову, весьма примечательно,

что, разъясняя вопросы, возникающие в практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, Пленум Верховного Суда РФ увязал правомерность подобного решения с обоснованностью подозрения (не обвинения, а именно подозрения!) в совершении преступления (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41).

Завершая настоящую статью, автору хотелось бы выразить надежду, что законодатель рано или поздно все-таки прислушается к высказанным пред-

ложениям и соответствующим образом откорректирует содержание Уголовно-процессуального кодекса РФ. Представляется, что подобные коррективы внесут некоторую лепту в совершенствование и оптимизацию механизмов досудебного производства по уголовному делу, в частности, позволят несколько повысить уровень защиты подвергаемых уголовному преследованию лиц от выдвигания в отношении них преждевременных и необоснованных обвинений.

Примечание

¹ Под мерами пресечения арестантского характера автор настоящей статьи понимает заключение под стражу и домашний арест.

Список источников

1. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 136 с.
2. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омск. академия МВД России, 2017. 228 с.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 175 с.
4. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1991. 189 с.
5. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : Высшая школа МООН РСФСР, 1963. 43 с.
6. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. 304 с.
7. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1276 с.
8. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 100–105.
9. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3. С. 61–69.
10. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М.М. Гродзинский М. : Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
11. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.
12. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971. 131 с.
13. Еникеев З.Д. Уголовное преследование: учеб. пособие. Уфа : Изд-во БашГУ, 2000. 132 с.
14. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128.
15. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

References

1. Kornukov, V.M. (1978) *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Measures of procedural coercion in criminal proceedings]. Saratov: Saratov State University.
2. Murav'ev, K.V. (2017) *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugovolno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya* [Measures of procedural coercion as special means of criminal law enforcement: doctrine, application, optimization]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Kovriga, Z.F. (1975) *Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdeniye* [Criminal procedural coercion]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Mikhaylov, V.A. (1991) *Mery presecheniya v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve: ucheb. posobie* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings: textbook]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
5. Gutkin, I.M. (1963) *Mery presecheniya v sovetskom ugovnom protsesse* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings]. Moscow: Vysshaya shkola MOON RSFSR.
6. Mikhaylov, V.A. (1998) *Metodologicheskie osnovy mer presecheniya* [Methodological basis of preventive measures]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course in criminal proceedings]. Moscow: Statut.
8. Rossinskiy, S.B. (2021) Privlecheniye v kachestve obvinyaemogo: “repernaya tochka” ugovnogo presledovaniya ili itog predvaritel'nogo sledstviya? [Subjecting to accusation: the “reference point” of criminal prosecution or the result of the preliminary investigation]. *Yurist'-Pravoved*. 4 (99). pp. 100–105.
9. Rossinskiy, S.B. (2022) Privlecheniye v kachestve obvinyaemogo kak avtonomnaya sledstvennaya protsedura: yavnyy perezhitok proshlogo ili zakononomerno sushchestvuyushchiy pravovoy instrument? [Subjecting to accusation as an autonomous investigative procedure: a clear relic of the past or a naturally existing legal instrument]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 61–69.
10. Strogovich, M.S. (1951) *Ugolovnoye presledovanie v sovetskom ugovnom protsesse* [Criminal prosecution in Soviet criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
11. Polyanskiy, N.N. (1956) *Voprosy teorii sovetskogo ugovnogo protsessa* [Issues of the theory of Soviet criminal procedure]. Moscow: Moscow State University.
12. Karneeva, L.M. (1971) *Privlecheniye k ugovnoy otvetstvennosti. Zakonnost' i obosnovannost'* [Criminal prosecution. Legality and validity]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Enikeev, Z.D. (2000) *Ugolovnoye presledovanie: ucheb. posobie* [Criminal prosecution: textbook]. Ufa: Bashkir State University.
14. Rossinskiy, S.B. (2021) O nedopustimosti “pilotnykh” obvineniy v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu [On the inadmissibility of “pilot” charges in pre-trial proceedings in a criminal case]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4 (95). pp. 121–128.
15. Gavrilov, B.Ya. (2021) XX let rossiyskomu ugovno-protsessual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya [20 years of the Russian criminal procedure law: does it correspond to scientific views and the requirements of the law enforcer?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 6. pp. 7–14.

Информация об авторе:

Россинский С.Б. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 21.07.2023;
approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*